

DOI: 10.31857/S086919080017251-3

РАЗОЧАРОВАНИЕ В РАБОВЛАДЕНИИ: ПОЗДНЕСОВЕТСКАЯ ЕГИПТОЛОГИЯ НА ПУТЯХ НЕОПОЗИТИВИЗМА¹

© 2022

С.Б. КРИХ ^а

^а – Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ORCID: 0000-0001-8220-9956; krikh@rambler.ru

Резюме: Статья посвящена переменам в позднесоветской египтологии, которые характеризуют черты в её развитии, проявившиеся в послевоенное время и максимально развившиеся в 1970–1980-е гг. Советская египтологическая школа, возводившая себя к наследию школы Б.А. Тураева, в действительности была заново создана В.В. Струве, при этом особенностью её развития было то, что в ней существовали как формальный (сам В.В. Струве), так и неформальный (Ю.Я. Перепёлкин) лидеры. Их деятельность проходила по линии не столько противостояния, сколько взаимодополнения. Соответственно, пересмотр воззрений на древнеегипетское общество, который осуществлялся в позднесоветский период, несколько отличался от того, как формировалась перемена взглядов на историю Древней Месопотамии: смена ориентиров в советской египтологии происходила для внешнего наблюдателя скорее бесконфликтно, частично даже при подчёркивании преемственности с ранним этапом исследований. Несмотря на то, что уже в 1960-е гг. осуществлялись попытки ограниченного пересмотра концепции Струве с общетеоретических позиций (И.А. Стучевский), основная линия и тогда, и в дальнейшем заключалась в установлении «культы» работы с источниками, что привело в итоге к последовательной тенденции отказа от употребления современных терминов для описания социальной действительности Древнего Египта. Тем не менее нельзя говорить, что работы таких авторов, как О.Д. Берлев, Е.С. Богословский вообще лишены стремления к генерализациям. С теоретической точки зрения поиски советских египтологов наиболее сходны с неопозитивизмом (в их случае не полностью отрефлексированным), при этом дальнейшая теоретическая эволюция их взглядов, а особенно её выражение, были замедлены как внешними факторами (доминирующей идеологией), так и собственными особенностями исторической деятельности – то есть вышеупомянутой ориентацией преимущественно на анализ источников.

Ключевые слова: история Древнего Востока, история Древнего Египта, советская историография, египтология в СССР.

Для цитирования: Крих С.Б. Разочарование в рабовладении: позднесоветская египтология на путях неопозитивизма. *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 234–244. DOI: 10.31857/S086919080017251-3

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

DISAPPOINTMENT IN SLAVERY: LATE SOVIET EGYPTOLOGY
ON THE WAYS OF NEOPOSITIVISM

© 2022

Sergey B. KRIKH ^a^a – F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

ORCID: 0000-0001-8220-9956; krikh@rambler.ru

Abstract: *The article is devoted to the changes in late Soviet Egyptology, which characterize new features in its development, manifested in the post-war period and developed to the maximum in the 1970s–1980s. The Soviet Egyptological school, which raised itself to the legacy of the school of B.A. Turaev, in fact was created anew by V.V. Struve, while a feature of its development was the fact that both a formal leader (V.V. Struve himself) and an informal leader (Yu.Ya. Perepyolkin) existed in it. This determined the fact that the revision of views on the ancient Egyptian society, which takes place in the late Soviet period, was somewhat different from how there was a change in views on the history of ancient Mesopotamia. Instead of a rather clearly defined conflict of generations in Soviet Assyriology, in Soviet Egyptology, on the contrary, there was a gradual, outwardly conflict-free change of landmarks. Despite the fact that there were attempts at a limited revision of Struve's concept from a general theoretical standpoint (I.A. Stuchevsky), nevertheless, the main line was to establish the cult of working with historical data, which ultimately led to a consistent tendency to abandon the use of modern terms to describe the social reality of ancient Egypt (O.D. Berlev, E.S. Bogoslovsky). From a theoretical point of view, the investigations of Soviet Egyptologists were most similar to not fully reflected neopositivism, while further theoretical evolution was hampered by both external circumstances and the aforementioned orientation to work with particular historical facts.*

Keywords: *history of the Ancient Near East, history of Ancient Egypt, Soviet historiography, Egyptology in the USSR.*

For citation: Krikh S.B. Disappointment in Slavery: Late Soviet Egyptology on the Ways of Neopositivism. *Vostok (Oriens)*. No. 3. Pp. 234–244. DOI: 10.31857/S086919080017251-3

Acknowledgements: the research was carried out with the support of the RFBR grant (project no. 20-09-41014) “From the Holy Land to the slave-holding formation: the history of the Ancient Near East in the Russian historical science of the 20th century”.

У всех отраслей гуманитарного знания в России сложная судьба (в основном благодаря советскому опыту), но при этом у каждой она непростая по-своему. В случае с египтологией мы имеем дело с довольно интересным феноменом утверждаемой преемственности, призванным замаскировать как минимум один разрыв традиции и одно важное её смещение.

Дело в том, что современная российская египтология возводит себя к фигуре Б.А. Тураева (1868–1920), который являлся не только признанным историком и создателем первого настоящего учебника (курса лекций) по истории Древнего Востока, но и создателем научной школы, которая в действительности стала исходной формой для сообщества египтологов в нашей стране. К этой школе принадлежал и В.В. Струве (1889–1965), фактически ставший главой советских востоковедов в 1930-е гг.; он подчёркивал преемственность советской египтологии с российской и не скрывал, что относит себя к ученикам Тураева [Струве, 1938, с. 13]. Эта трактовка в итоге совпала с общим поворотом историографии сталинского

времени в сторону признания ценности национальной традиции: лучшие представители русской «буржуазной» науки назывались «прогрессивными», а связь с ними становилась дополнительным легитимирующим фактором для советской научной школы. Все эти обстоятельства и способствовали маскировке того факта, что в ранний советский период произошёл не переход школы Тураева в новое качество, а принципиальное её перестроение. Тематика, стиль письма, базовые идеи и терминологический аппарат, сам способ организации и взаимодействия советских египтологов начиная с 1930-х гг. не имели почти ничего общего с тем, как выглядела русская египтология в начале 1920-х гг.

Но помимо указанного разрыва в представлении советской египтологии о себе самой появилось также одно специфическое смещение акцентов, связанное с особыми характеристиками советского пространства науки и выражающееся в том, что центральная в ней фигура для самих египтологов оказалась в итоге в роли неформального лидера, который не занимал значимых должностей в академических институтах. Речь идёт о Ю.Я. Перепёлкине (1903–1982), фактически ставшем учителем и вдохновителем для нескольких крупных специалистов (М.А. Коростовцева, Е.С. Богословского), создавшем образцовые специальные исследования, а также несколько обобщающих очерков древнеегипетской истории, которые сыграли роль университетских учебников, – последние пережили свою эпоху и переиздавались в постсоветское время наряду с текстами Б.А. Тураева.

Вышесказанное не означает того, что неформальное лидерство Перепёлкина в советской египтологии было абсолютно бесспорным, но даже неполное признание – это тоже особенность неформального лидерства, при том, что фигура формального лидера для внешнего наблюдателя затмевает все остальные. Последнюю роль на протяжении почти четырёх десятилетий играл Струве, однако он не конкурировал с Перепёлкиным как из-за различия их функций в сообществе египтологов, так и потому, что Струве во второй половине своей жизни больше занимался Месопотамией и Ираном, уделяя египтологическим штудиям мало внимания.

Соответственно, развитие советской египтологии ввиду перечисленных выше причин не могло протекать по тому же сценарию, как, например, это было в советской ассириологии, где роли оказались чётко очерчены, а смена главных идей ясно обозначена. В ассириологии на начальном этапе складывания советской исторической науки (по сути, это 1930-е гг.) выделяется очевидный лидер (тоже Струве), чьи исследования задают основные параметры, в соответствии с которыми эта отрасль науки развивалась приблизительно два десятка лет. Затем вместе со сменой поколений происходит смена лидера – первым лицом советской ассириологии становится И.М. Дьяконов. Эта смена была построена не только на частичном отторжении, но и на явной преемственности с предыдущим этапом: при изменении оценок сохранились все те же основные параметры, что были названы выше, причём сам процесс прошёл даже несколько драматически, в виде классического конфликта между «старым» и «новым».

В египтологии, как уже можно было увидеть, в принципе не существовало условий для подобного развития событий. Правда, импульс подхода, который исповедовал В.В. Струве, и здесь был достаточно силён. В поворотном докладе о рабовладении на Востоке, который делал будущий «глава советского востоковедения» в 1933 г., египетские примеры играли практически столь же важную роль, как и месопотамские [Крих, 2013(2), с. 313]. В 1935 г. Струве выпустил перевод «Речения Ипувера» с подробным комментарием, тем самым придавая законченный вид версии о том, что в данном памятнике рассказано о крупнейшем восстании рабов в Египте [Речение Ипувера, 1935]. В своих лекционных курсах он подчёркивал не только масштабы завоеваний правителей Нового царства, но и то, что важной составляющей их грабительских походов была охота на людей [Струве, 1941, с. 180].

Эта позиция прямо повлияла на советскую учебную литературу – прежде всего на школьную, в которой Египет стал основным примером восточного рабовладельческого общества, но в значительной мере также и на университетские учебники – по крайней мере, все советские учебники древневосточной истории упоминали о социальном перевороте, совершённом в конце Среднего царства бедняками и рабами [Струве, 1941, с. 165–169; Авдиев, 1948, с. 197–199; *История Древнего Востока*, 1979, с. 47]. Со временем позиция обрела и дополнительную аргументацию: так, в 1951 г. И.С. Кацнельсон опубликовал статью, где, опираясь на данные недавно опубликованной стелы Аменхотепа II из Мит-Рахина, укрепил тезис о многих тысячах рабов, которые приводились в Египет в период завоевательных походов XVIII династии. Резюмирующая часть статьи раскрывала её теоретический посыл: «Между античными странами и странами Древнего Востока нет глубокого принципиального различия» [Кацнельсон, 1951, с. 54].

Однако после 1950-х гг. уже сложно говорить о том, что точка зрения Струве дополнялась принципиально новыми аргументами, и в этом смысле она продолжала существовать в силу инерции. В то же время формируется концептуальное противопоставление этой позиции, начиная как минимум с ранней монографии И.А. Стучевского (1927–1989), в которой был аргументирован тезис о фактическом отсутствии в Египте храмового сектора экономики. Исследователь полагал, что египетская экономическая история на всём своём протяжении характеризуется существованием по сути единообразного сектора государственно-храмового хозяйства, в котором усиливались то центростремительные, то центробежные тенденции [Стучевский, 1962]. Важным, хотя и не центральным пунктом монографии было представление об относительной незначимости для этого хозяйства конкретного юридического статуса работника: «Для древних египтян юридические отличия рабов от свободных часто не имели особого значения, так как и тех, и других нередко эксплуатировали одинаковыми методами» [Стучевский, 1962, с. 24] (ср. «в жизни и труде на господина раб не отличался от нераба» [Богословский, 1979(1), с. 67]).

В середине 1960-х гг. Стучевский сформулировал и свою теоретическую позицию: общества Древнего Востока нельзя относить к рабовладельческим [Васильев, Стучевский, 1966], а удельный вес и значение рабского труда в истории Египта не нужно преувеличивать. В научно-популярной брошюре о колониальной политике Египта он оспорил представление о массах рабов, которые якобы пригонялись царями XVIII династии из Азии, причём отвергал мнение, согласно которому добыча военнопленных была одной из целей египетской завоевательной политики – по мнению Стучевского, наоборот, именно завоевательная политика привела к притоку военнопленных в Египет и вызвала «оживление в нём рабовладельческих отношений» [Стучевский, 1967, с. 58]. Историк применил двух-составной аргумент: во-первых, маловероятно, чтобы огромная цифра в более чем сто тысяч пригнанных пленных со стелы Аменхотепа II вообще была достоверной; во-вторых, если даже она правильная, то это исключительный факт, означающий, что на территорию Египта были переселены чуть ли не целые племена, а в египетских условиях такие массы точно не могли эксплуатироваться рабовладельческим способом – фактически, они должны были стать зависимыми работниками, в значительной мере похожими на те их категории, к которым относилось и местное зависимое население [Стучевский, 1967, с. 59–60].

Хотя после 1960-х гг. специально на теоретическом уровне Стучевский свои взгляды более не обозначал, его поздние монографии сохраняют и даже отчасти развивают ту же логику: при преобладании в них конкретно-исторического материала, он продолжает использовать ссылки как на Маркса и Ленина, так и на современные ему теоретические работы по древнему обществу (К.К. Зельина, И.М. Дьяконова) для того, чтобы пояснить специфику египетского социально-экономического устройства [Стучевский, 1982, с. 178,

184, 230–231]. Так, по его мнению, царских земледельцев в эпоху Нового царства нельзя приравнивать ни к рабам, ни к крепостным, поскольку они не являлись собственностью какого-либо лица (или государства), но эксплуатировались непосредственно государством [Стучевский, 1982, с. 124]. Историк указывает также на примеры рабов-эксплуататоров [Стучевский, 1982, с. 31–32] и рабов-землевладельцев [Стучевский, 1982, с. 186–189].

Поскольку здесь приходится видеть только отдельные, как бы разрозненные стремления осуществить теоретическую корректировку, то следует признать, что и в египтологии, как и в целом в востоковедении тенденция к пересмотру взглядов на восточную историю исходя из «неофициозного» понимания марксистской теории не реализовала себя полностью к концу советского времени. При этом практически с самого начала была не менее сильна иная тенденция, суть которой заключалась в том, что без подробного исследования социальных отношений в различные эпохи древнеегипетской истории нельзя делать генерализирующих умозаключений об их базовых характеристиках. Этот импульс, судя по всему, исходил в первую очередь от Перепёлкина. Можно было бы счесть эту тенденцию некоторым «пережитком» дореволюционной ориентации на познание фактов в ранней советской египтологии, но после войны она не исчезла, хотя и было достигнуто искусственное равновесие между ней и преобладающей теоретической установкой понимания древневосточных обществ как рабовладельческих. Эта искусственность заметна даже в труде, который должен был подчёркивать силу марксистского постижения исторического процесса – во «Всемирной истории». Редакция специально уточняла, что в созданные Перепёлкиным главы пришлось «внести дополнения в части общих выводов и некоторых частных характеристик» [*Всемирная история*, 1955, с. 14; см. также Орехов, 2021]. Смесь своеобразного, избегающего любых иноязычных слов языка Перепёлкина с кондовым стилем марксистских формулировок и словесных штампов того времени (вроде «безудержной эксплуатации» [*Всемирная история*, 1955, с. 176]) выглядит максимально неестественной и делает почти невозможным понимание его собственных взглядов тех лет на египетскую историю. Более поздний текст написанной, но не опубликованной при жизни истории Древнего Египта, изданный с пиететом к воле автора, позволяет увидеть, что Перепёлкин, хотя и признавал эвристическую ценность в проводимом Струве сопоставлении между античными рабовладельческими и древнеегипетскими обществами, всё-таки давал понять читателю, что характеристики «рабовладельческое общество» или «крепостническое общество» далеки от той реальности, что предстаёт взору исследователя [Перепёлкин, 2000, с. 134].

Вскоре изменилась ситуация в исторической науке в целом: после второй дискуссии об азиатском способе производства, которая завершилась лишь весьма формальным утверждением победы сторонников рабовладельческой формации на Востоке [Никифоров, 1975], вновь была осознана необходимость аргументировать наличие той или иной формы общественных отношений конкретно в каждом из древних обществ. В египтологии же изменения заключались в том, что в науку окончательно пришли формальные ученики Струве, но фактические – Перепёлкина: к этому новому поколению относились О.Д. Берлев (1933–2000) и Е.С. Богословский (1941–1990). Именно с их помощью начал реализовываться план, выдвинутый ещё Струве, по которому до этого тщательно работал только один Перепёлкин: последовательное изучение источников всех эпох египетской истории должно было заложить прочный фундамент под общими выводами советской науки об общественном устройстве страны фараонов.

Если обратиться к классическим монографиям Берлева и Богословского 1970-х гг., то можно увидеть в них известную преемственность с подходом Перепёлкина – обращение к тщательному анализу данных по избранному периоду, причём источниковедческий и

филологический анализ не только переплетается с историческим, но по объёму даже превалирует над ним, определяя при этом структуру исследования. Например, Богословский так формулирует направленность своей работы в монографии 1979 г.: «Необходимо было выделить обычные и необычные разновидности начертания самого словосочетания *ḥtmw* с³ и, если будет возможно, проследить путь их развития на протяжении правления XVIII династии, а также выяснить – для каких местностей и в какое время были типичны те или иные написания» [Богословский, 1979(1), с. 5].

Яркой чертой «школы Перепёлкина» предстаёт не всегда последовательный (нужно учитывать ещё и позицию издательств, которые иногда не шли в этом вопросе навстречу авторам), но выстраданный отказ от употребления современной терминологии без оговорок и уточнений. Берлев пишет о «царских *ḥtmw*», уточняя, что обычный перевод последнего слова как «раб» или «слуга» ещё не прояснит сути дела [Берлев, 1972, с. 5]. Богословский в названии монографии о «послушных призыву» использует для обозначения основного термина своего исследования слово «слуги», но помещает его в кавычки (видимо, это тоже было результатом некоторого компромисса с издательством), а затем в тексте сообщает... о некорректности перевода «слуга» [Богословский, 1979(1), с. 84].

Комментируя это положение дел, И.А. Ладынин замечает: «Трудно определить, не является ли этот, по существу, принципиальный отказ от социологических обобщений в работах, выдержанных в методике терминологического анализа, своего рода реакцией египтологов 1960–1980-х гг. на слишком большое место таких обобщений в советской историографии на её раннем этапе; рискованно сказать, что в этом нам видится единственная, и наиболее существенная, слабость данной категории исследований» [*Историография истории Древнего Востока*, 2008, с. 248–249]. К вопросу о «слабости» такого подхода будет уместно вернуться в завершающей части данной статьи, сейчас важно остановиться на проблеме теоретизации в работах Берлева и Богословского.

С этой целью полезно обратиться не только к их монографиям, но и к публикациям в сборниках статей, в которых они участвовали уже в 1980-е гг., причём именно академические сборники в этом отношении будут более показательны, чем журналы, где редколлегия могла строже относиться к использованию общепринятой терминологии. С одной стороны, египтологи в них всегда выступают в роли авторов, а редакторами, выражающими обобщенную точку зрения, – ассириологи, прежде всего М.А. Дандамаев [например, Дандамаев, 1984], и она формулируется именно как рабовладельческая. С другой стороны, статьи египтологов наглядно демонстрируют, что в определённом контексте деконструкция прежних взглядов – это уже сама по себе позиция.

Показательной в этом плане является статья Берлева «Цифровые данные по угону населения покорённых стран в Египте», с точки зрения формы написанная в рамках уже обозначенного подхода, но обладающая и некоторыми чертами, свойственными творчеству именно этого историка. Это местами буквально телеграфный стиль высказывания, как бы нарочито не заботящийся о том, чтобы донести до читателя окатанные формулировки: «Слов нет, материал этот слишком мал и слишком разрознен. Разрывы между отдельными показаниями чудовищны. Достаточно сказать, что отсутствуют данные почти за целое I тысячелетие до н.э. И тем не менее» [Берлев, 1989, с. 86]. Максимально краткая вводная часть (и ещё более краткие выводы), обсуждение термина «пленные» после вводной части, а затем – анализ источников от времён Нармера до Позднего царства. При этом сама по себе статья – один из шедевров исследовательской мысли, она отнюдь не сводится к анализу цифр, погружая читателя в мировосприятие египтян (без понимания которого нельзя адекватно оценить сведения источников), в детали чтения иероглифики (включая проблемы фрагментированных надписей).

В итоге Берлев обнаружил, что кроме нескольких «пиков» с аномально большими числами угона рабов (сведения, которые невозможно опровергнуть, но и не так просто объяснить ввиду скудности данных), нельзя говорить о существенной роли притока рабов извне для египетской экономики: «Цифры по пленным за более чем два тысячелетия египетской истории показывают, что увод людей в Египет в результате военных захватов осуществлялся в относительно небольших размерах, цифры в сотни человек являются, как видно, средним уровнем» [Берлев, 1989, с. 102]. Важной частью статьи является раздел по XVIII династии [Берлев, 1989, с. 95–100], в котором историк последовательно доказывает, что привод рабов даже при интенсивных завоеваниях Тутмоса III вряд ли мог составить более десяти тысяч человек за двадцать лет. Что же касается надписей Аменхотепа II о сотне тысяч пленных, то Берлев (анализируя отдельные сообщения о сотнях захваченных из тех же надписей) комментирует это так: «И наконец, итог. Огромный, не связанный с отдельными данными обеих надписей» [Берлев, 1989, с. 99]. Общую направленность и логику статьи нельзя оценить иначе, как отвержение тех выводов, к которым пришёл Кацнельсон в 1951 г.

Наконец, нельзя утверждать, что для Берлева и Богословского дело сводилось только к деконструкции. В 1984 г. вышел сборник под названием «Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке», который был посвящён преимущественно нерабским формам зависимости на примере Египта, Месопотамии, Иудеи, Китая и Японии. Берлев и Богословский написали в эту книгу по две статьи, которые в совокупности составляют почти 40% её объёма.

Статьи Берлева в этом сборнике преимущественно сконцентрированы на анализе источников, в них нет даже тех обобщений, которые просматриваются в статье о военнопленных в более позднем издании. Тем не менее первая из них посвящена именно основным принципам социального устройства Египта в понимании самих египтян, то есть её смысл так или иначе относится к задаче обобщения имеющихся данных. Берлев фиксирует, что для автора «Поучения Ахтоя» (обращённого к юношам, учащимся на писцов) как чиновника несущественна дихотомия «царское – частное» [Берлев, 1984, с. 31], в то же время место чиновника для юноши не абсолютно гарантировано. Неявно предполагается, что в случае неудачи в учёбе он может оказаться в более низкой социальной категории: «... либо учиться какому-либо ремеслу, либо войти в число самого многочисленного разряда “царских *ḥmww*”» [Берлев, 1984, с. 32]. В этой статье можно также увидеть не только деконструкцию советских представлений о структуре классовых обществ в докапиталистических формациях, но и попытку посмотреть, что может получить современный исследователь, усваивая взгляды египтян на собственное общество.

В ещё большей степени вектор на оперирование обобщающими понятиями выражается в статьях Богословского. Заметно, что возможности использования кавычек уже подошли для автора к своему пределу: например, не единожды он вынужден использовать знак препинания внутри слова – так появляются «“рабо”торговцы» [Богословский, 1984(2), с. 90] и «“рабо”владельцы» [Богословский, 1979(2), с. 21]². Наконец, он сам, по сути, признаёт, что этот приём оказывается для него утомителен: «Мои выводы не означают, будто я полагаю, что вообще никаких рабов (на сей раз без кавычек) в древнем Египте не было» [Богословский, 1984(2), с. 116]. Можно сказать, что перепёлкинский подход был Богословским максимально (естественно, из того, что мы в принципе имеем) развит, и ему стало тесно в этих рамках.

Совпадая и с Перепёлкиным, и с Берлевым в основном пафосе, Богословский явно формулирует их метод работы более чётко и, можно сказать, более социологично:

² Подобный же «танец кавычек» можно встретить иногда и у Стучевского: «“Царские” “владения”» [Стучевский, 1982, с. 211], «“светско”-жреческой» (в оригинале опечатка: «греческой») [Стучевский, 1982, с. 229].

«... собственно египетские описания этой системы особенно ценны. Конечно, такие описания не имеют социологического в современном представлении характера и даже не похожи на “Политику” Аристотеля или “Государство” Платона. Они предельно конкретны, но если эти описания воспринимать как костяк, который обрастает плотью всё более обобщённо воспринимаемых источников, то возникает совершенно непредвиденная картина» [Богословский, 1984(1), с. 52]. Здесь не только заявлен метод, но и утверждается, что он должен принести новые результаты, а главное – необходимость в получении общей картины признаётся самой настоящей целью исследования.

Применительно к работам Богословского 1980-х гг. нельзя утверждать и того, будто он всегда избегает современной терминологии в пользу системы понятий, содержащейся в источниках: «Разделив непосредственных производителей по системному признаку квалифицированности труда (для нас он не может быть достаточным системообразующим признаком), можно выяснить, конечно, только их место в производстве, но ещё не в обществе, не во всей системе социально-экономических отношений» [Богословский, 1984(1), с. 54]. Определяя положение категории «мастеров» в период Нового царства относительно другой категории зависимых людей *smdt*, историк показывает, что мастера обладали большими поблажками в плане организации собственного труда и большим довольствием, а потому могли дополнительно эксплуатировать *smdt* (например, сдавая им скот в аренду по завышенным ценам [Богословский, 1984(1), с. 68]). При этом исследователь считает, что мастеров нельзя включать «в состав эксплуататорского класса, потому что на месте своей основной работы, дававшей им главные средства к существованию, они трудились *своими руками и являлись непосредственными производителями материальных и нематериальных ценностей, не используя в процессе производства труд людей-smdt или лично принадлежащих им (мастерам) людей*» [Богословский, 1984(1), с. 69, курсив автора]. Всё это позволяет историку прийти ко вполне обобщающему выводу о том, что нельзя говорить о сословиях в египетском обществе [Богословский, 1984(1), с. 70], а также о том, что внутри этого общества была наиболее существенна не оппозиция «раб – свободный», а «находящийся в состоянии частной зависимости – находящийся в состоянии государственной зависимости» [Богословский, 1984(1), с. 71].

Соответственно, как можно видеть, в перечисленных текстах советских египтологов достаточно элементов, которые могут свидетельствовать о стабильном интересе к генерализациям. Гораздо сложнее определить, каково содержание этого интереса. Некоторые моменты проясняются при обращении к терминологии. Использование наряду с обычными понятиями советской исторической науки (и в тесном сопряжении с ними) понятий «система», «макроструктура», пафос особого подхода к изучению докапиталистических формаций («к древнеегипетским текстам и не удаётся приложить те методы анализа, которые годятся для изучения капиталистического общества», [Богословский, 1984(1), с. 75, прим. 62]), позволяют видеть в методологической базе Богословского те же элементы, которые были свойственны поискам так называемых структуралистов в советской историографии второй половины 1960-х гг. [Крих, 2013(1)]. Конечно, это не было структурализмом в духе Ф. де Соссюра, а по таким признакам, как ориентация на выяснение начальных фактов и надежда на то, что из этих фактов можно будет построить более адекватное представление о предмете исследования, можно говорить о неотрефлексированной тенденции к неопозитивизму.

Уместно ли в таком случае определять эту теоретическую позицию как слабую? Безусловно. Во-первых, она была достаточно смутно выражена, хотя немалую роль тут играли внешние факторы. Скажем, статьи Богословского в «Вестнике древней истории» гораздо более «истматовские», чем в упомянутых выше сборниках. Отсюда легко предположить, что минимизация теории в монографиях – тоже реакция на позицию издательства,

только в данном случае (в отличие от статей, где проще всего было найти компромисс, написав несколько строк) компромиссом оказывается отказ от написания нескольких страниц. Конечно, читателю, не изучавшему специально творчество Перепёлкина, Берлева или Богословского, разобраться во всех этих подтекстах было крайне сложно. Теоретическая заявка оставалась непонятой.

Во-вторых, слабость теории здесь не только внешняя, но и внутренняя. Перед нами явно не та ситуация, когда группа авторов обладает выверенной методологической базой, но не может её репрезентировать читателю из-за упомянутых выше внешних факторов, а потому вынуждена недоговаривать теоретическую часть своих работ или даже заменять её официально приемлемыми формулировками. И Берлев, и Богословский действительно отчасти недоговаривали, однако даже в их трудах мы не находим того, что можно было бы назвать «системной неполнотой», подразумевающей наличие скрытого целостного знания, которое в таком случае неизбежно стремилось бы проявить иносказательно именно свой базовый посыл. Очевидно, здесь преобладал культ работы с источниками, который почти неизбежно ослабляет тягу к теоретизированию.

Тем не менее основные черты позднесоветской египтологии с точки зрения её положения в советской исторической науке вполне понятны. Это ориентация на получение позитивного знания, идущего от работы с первоисточниками в терминах самих источников (предполагается тем самым раскрытие мировосприятия древних египтян), это избегание прежних объяснений – не просто по части содержания, но и формы (не устраивает не только ответ «это был рабовладельческий строй», но и ответ «это был азиатский способ производства», как, видимо, и вообще любой ответ, укладывающийся в принятую тогда систему координат), и это скованный, но тем не менее уже обозначившийся поиск других методологических оснований (близкий идеям отчасти структурализма, отчасти неопозитивизма).

Поиск этот не смог себя реализовать в дальнейшем несмотря на то, что оставалось буквально несколько лет до того, как внешний фактор – обязанность формулировать теорию только в её официальном марксистско-ленинском варианте – уйдёт вместе с самим Советским Союзом. Ни Стучевский, ни Богословский, наиболее склонные к такому поиску, не переживут советской эпохи, а Берлев, проживший на десятилетие дольше, так и не проявит интереса к большим обобщениям. Поэтому об этом «прерванном полёте» можно говорить только с тех же позиций неполного анализа, с каких сами Берлев и Богословский подходили к египетскому обществу. И тогда здесь преобладают два момента: интуитивно найденная теория неопозитивистского толка и разочарование в прежних ответах – прежде всего, в рабовладении как универсальной отмычке для понимания истории любого древнего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Авдиев В.И. *История древнего Востока*. Л.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1948 [Avdiev V.I. *History of the Ancient Orient*. Leningrad: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1948 (in Russian)].

Берлев О.Д. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972 [Berlev O.D. *The Labor Population of Egypt in the Middle Kingdom*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1972 (in Russian)].

Берлев О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта. *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 26–34 [Berlev O.D. *The Oldest Description of the Social Organization of Egypt*.

Problems of Social Relations and Forms of Dependence in the Ancient East. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1984. Pp. 26–34 (in Russian)].

Берлев О.Д. Цифровые данные по угону населения покорённых стран в Египет. *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 86–108 [Berlev O.D. Egyptian Statistical Data Concerning the Importation of the People from Subjugated Lands. *State and Social Structures in the Ancient East*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1989. Pp. 86–108 (in Russian)].

Богословский Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.). М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979(1) [Bogoslovsky E.S. “Servants” of the Pharaohs, Gods and Individuals (to the Social History of Egypt in the 16th–14th centuries BC). Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1979(1) (in Russian)].

Богословский Е.С. Собственность и должностное владение в древнем Египте (По материалам из Дёр эль-Медина). *Вестник древней истории*. 1979(2). № 1. С. 3–23 [Bogoslovsky E.S. Property and Ex-officio Possessions in Ancient Egypt (Bases on Material from Dēr el-Medīna). *Journal of Ancient History*. 1979(2). No. 1. Pp. 3–23 (in Russian)].

Богословский Е.С. Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тысячелетия до н.э. *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984(1) С. 52–80 [Bogoslovsky E.S. The Main Producers of Material and Spiritual Values in Egypt in the Second Half of the 2nd Millennium BC. *Problems of Social Relations and Forms of Dependence in the Ancient East*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1984(1). Pp. 52–80 (in Russian)].

Богословский Е.С. «Рабы» в текстах из Дер Эль-Медина. *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984(2). С. 81–127 [Bogoslovsky E.S. “Slaves” in Dēr el-Medīna Texts. *Problems of Social Relations and Forms of Dependence in the Ancient East*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1984(2). Pp. 81–127 (in Russian)].

Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. *Вопросы истории*. 1966. № 5. С. 77–90 [Vasiliev L.S., Stuchevsky I.A. Three Models of the Genesis and Evolution of Pre-Capitalist Societies. *Questions of History*. 1966. No. 5. Pp. 77–90 (in Russian)].

Всемирная история. Том I. Под ред. Ю.П. Францева. М.: Госполитиздат, 1955 [The World History. Vol. I. Ed. Yu.P. Frantsev. Moscow: Gospolitizdat, 1955 (in Russian)].

Дандамаев М.А. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (к постановке вопроса). *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 5–25 [Dandamayev M.A. Non-Slave Forms of Dependence in Ancient Hither Asia (to the formulation of the problem). *Problems of Social Relations and Forms of Dependence in the Ancient East*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1984. Pp. 5–25 (in Russian)].

Историография истории Древнего Востока. Т. 1. Под ред. В.И. Кузищина. М.: «Высшая школа», 2008 [Historiography of the History of the Ancient East. Vol. 1. Ed. V.I. Kuzishchin. Moscow: Vysshiaia shkola, 2008 (in Russian)].

История Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузищина. М.: «Высшая школа», 1979 [History of the Ancient Orient. Ed. V.I. Kuzishchin. Moscow: Vysshiaia shkola, 1979 (in Russian)].

Кацнельсон И.С. Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVII–XX династий. *Вестник древней истории*. 1951. № 3. С. 40–54 [Katznelson I.S. The Nature of Wars and Slavery in Egypt under the Conquering Pharaohs of the 17th–20th Dynasties. *Journal of Ancient History*. 1951. No. 3. Pp. 40–54 (in Russian)].

Крих С.Б. Быть марксистом: крест советского историка. *Мир историка. Историкографический сборник*. Выпуск 8. Омск: Издательство ОмГУ, 2013(1). С. 54–78 [Krikh S.B. To Be a Marxist: The

Cross of the Soviet Historian. *The World of the Historian. Historiographic Almanac*. Vol. 8. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2013(1). Pp. 54–78 (in Russian)].

Крих С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.: КРАСАНД, 2013(2) [Krikh S.B. *The Image of Antiquity in the Soviet Historiography*. Moscow: KRASAND, 2013(2) (in Russian)].

Никифоров В.Н. *Восток и всемирная история*. М.: «Наука», 1975 [Nikiforov V.N. *The Orient and World History*. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].

Орехов Р.А. «Письма из старой конфетницы» (по архивным материалам Т.Н. Савельевой). *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 231–248 [Orekhov R.A. “Letters from an Old Candy Bowl” (Based on Archival Materials by T.N. Savelieva). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 231–248 (in Russian)].

Перепёлкин Ю.Я. *История Древнего Египта*. СПб.: «Летний сад»; Журнал «Нева», 2000 [Perepelkin Yu.Ya. *History of the Ancient Egypt*. St. Petersburg: Letnii sad; Zhurnal “Neva”, 2000 (in Russian)].

Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935 [The Admonitions of Ipuwer. *Leiden papyrus number 344*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1935 (in Russian)].

Струве В.В. Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917–1937 гг. *Вестник древней истории*. 1938. № 1(2). С. 13–22 [Struve V.V. Studies of the History of the Ancient East in the USSR in 1917–1937. *Journal of Ancient History*. 1938. No. 1(2). Pp. 13–22 (in Russian)].

Струве В.В. *История древнего Востока*. Л.: Госполитиздат, 1941 [Struve V.V. *History of the Ancient Orient*. Leningrad: GOSPOLITIZDAT, 1941 (in Russian)].

Стучевский И.А. *Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта*. М.: Издательство восточной литературы, 1962 [Stuchevsky I.A. *Temple Form of the Royal Economy of Ancient Egypt*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literature, 1962 (in Russian)].

Стучевский И.А. *Колониальная политика Египта в эпоху XVIII династии (научно-популярный очерк)*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1967 [Stuchevsky I.A. *Colonial Policy of Egypt in the Epoch of the 18 dynasty (Essay in Popular Science)*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literature, 1967 (in Russian)].

Стучевский И.А. *Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов*. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1982 [Stuchevsky I.A. *Farmers of the State Economy of Ancient Egypt of the Ramessid Era*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literature, 1982 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КРИХ Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.

Sergey B. KRIKH, DSc (History), Prof. of the Department of World History, Omsk State Dostoevsky University, Omsk, Russia.